

Содержание

На золотом крыльце сидели	5
Только зайчика был паинька	41
Спички — лучшая игрушка	65
Скорей до земли я добраться хочу	88
Она быстрее — и я быстрее	119
Придет серенький волчок	139
Черные ладошки, на локтях дорожки	169
Пиковая дама, приходи	199
Мы делили апельсин	233
Друг в беде не бросит	269
Леди, как вас зовут	298
Вышел месяц из тумана	310
Чрезвычайно чисто	335
Завтра ветер переменится	339

На златом крыльце сидели

*Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории,
мы будем знать больше, чем сейчас.*

Г.Х.АНДЕРСЕН, «СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА»

15 ЛЕТ ДО

Новогодний парк. От дерева к дереву тянутся гирлянды с шарами и растяжки «С новым, 2008 годом!». Из динамиков льется «В траве сидел кузнечик».

На детской площадке чуть сбоку от главной аллеи высится диснеевский замок Спящей красавицы. Площадка усыпана разноцветными пятнами-детьми: кто-то играет с другими, кто-то возится в одиночестве, кто-то лезет покорять горку. Одни родители сидят на лавочке, другие стоят чуть поодаль, третьи контролируют каждый шаг своего ребенка.

Он ел одну лишь травку,
Не трогал и козявку...

Мать чмокает девочку лет пяти в нос и говорит:
— Не замерзла?
Та качает головой.

Тем временем на площадке появляется компания пьяных парней. Шумят, матерятся, лезут на качели, распугивая детей.

Одна из матерей делает им замечание. Пьяный сплевывает сбоку от женщины, кто-то из отцов вскакивает и вступается. Начинается драка.

Представьте себе, представьте себе,
И с мухами дружил...

Ребенок в желтой шапке с помпоном стоит на горке. Смотрит за дракой внимательно, не мигая.

— Кататься будешь? — спрашивает мальчик за ним.

Представьте себе, представьте себе,
Никак не ожидал он...

Ребенок в шапке отходит в сторону. Когда мальчик уже собирается съехать, ребенок толкает его в спину так, что мальчик летит с горки в сугроб.

Снизу раздается крик:

— Чей это ребенок?!

Представьте себе, представьте себе,
Такого вот конца...

1 ДЕНЬ ПОСЛЕ

Толбоев открыл папку, перебрал пустые бумажки и сделал вид, что изучает один из листков. Мальчишка перед ним беспокойно заерзал. Толбоев несколько раз посмотрел на мальчишку, который всё накручивал на палец рыжие кудри, затем обратно на листок, вздохнул, потер переносицу.

В эту игру он мог играть долго.

Мальчишка шумно втянул воздух и вцепился в стол — лишь бы унять дрожь в руках, догадался Толбоев. Руки у него оказались какие-то непропорционально маленькие, будто приставленные ребенком от другой куклы, купленной еще на прошлый день рождения.

— Ты у них за главного, значит?

Паренек вздрогнул:

— Что?

— Староста?

Он, сглотнув, кивнул:

— В этом смысле? Да.

— А чем сейчас старосты занимаются?

— Ну, я... — он убрал руки под стол и глубоко вздохнул, — всякое делал. Предупреждал, если расписание поменялось. Узнавал, если кто заболел. Организовывал выступления всякие. По сути, староста — это как помощник классного руководителя. Просто среди школьников.

— Помню, у нас вот староста журнал сторожил. А всё равно украли, представляешь? Химичка бешеная попалась, обещала всех закошмарить, вот и украли. Да мы все знали, кто украл, Илюшка Пересеченко, но с ним никто связываться не хотел. Он потом еще горелую обложку в школу притащил, всем показывал, никого не боялся. Есть такие люди — отмороженные, понимаешь?

Мальчишка скуксился — и Толбоев продолжил говорить медленно, нараспев, будто рассказывая страшную сказку, будто их реальность не была страшнее всех сказок:

— Ой, что началось...

— Что? Его поймали?

— Шмонали всех, вызывали родителей, грозились из школы исключить. Собак, конечно, на старосту спустили, а он всё равно молчал. Боялся Пересеченко. Или крысой прослыть боялся. Вот его и выперли. Вот так вот, Марк, старостой быть.

Мальчишка не реагировал.

— Марк, — Толбоев сменил тон с задушевного на душаций, — а кто у вас за Пересеченко?

— Вы и так знаете. Теперь мы все знаем.

Толбоев кивнул:

— А кто у вас за главного? Не ты же, да?

Марк пожал плечами:

— У нас... не было главного...

— Так не бывает.

— Бывает, — отрезал Марк.

— Кто-то всегда равнее других, но как скажешь. А это ваше мероприятие тоже ты организовал?

— Нет. Нет. Нет. Я ничего не организовывал. Я вообще не собирался туда идти. И другим это говорил. Все эти тусовки накануне экзаменов, придумают всякое... — На миг он перестал быть мальчишкой, обратившись в ворчливую классную даму, которую чужое веселье не просто утомляет, а раздражает — как раздражают сами дети, это веселье источающие.

Толбоев подыграл, поцокав с осуждением.

— Но тебя не послушались.

— Они меня вообще не особо когда слушались, — произнес он с тоской.

* * *

Девчонка сидела очень прямо, зажав губы так, что они почти исчезли, и смотрела в одну точку. Казалось, дай ей волю — и она сожмется полностью, засо-

сется внутрь себя, оставив только прядь рыжих волос на память. Толбоев щелкнул пальцами перед ее глазами. Она вздрогнула.

— Вы не имеете права нас допрашивать, — как выплюнула.

Он молча ждал. Не выдержала:

— Я несовершеннолетняя. Вы не можете. Согласно 51-й статье Конституции...

Она завела привычную песню, а Толбоев от скуки откинулся на стуле и рассматривал ее в упор: холщовка с надписью «Запрещенная в России организация», браслетик «Свобода» с облаками на синем фоне, где-то наверняка болтается пацифистский брелок. Он мог предсказать, что она слушает, кого читает в соцсетях, на какие сайты заходит, обходя блокировки. Одна из тех, кто знал свои права — и не подозревал об обязанностях. Что роднит их с ворами в законе — и тем, и другим сотрудничать не по понятиям. И тем, и тем приходилось напоминать одно и то же.

— Я всё могу. Я здесь власть.

Она помотала головой:

— Я дождусь. Она меня заберет, — голос дрогнул.

— Обязательно заберет. А мы пока поговорим.

Нам же нужно разобраться.

Ее взгляд метнулся к камере и замер, будто прикованный огоньком:

— Вы записываете?

Он встал и отошел к камере, опустил ее:

— Хочешь что-то рассказать?

Она часто заморгала, затем выдохнула — не расколетса, догадался Толбоев. Тогда подключил другой прием:

— Соня, давай так. Я вижу, что ты умная девушка и хорошо соображаешь. Я задам тебе один вопрос.

Если мне понравится ответ, мы просто помолчим и спокойно подождем ее. Хорошо?

Она сомневалась:

— А какой вопрос?

— Очень простой. С чего всё началось, как ты думаешь?

— Наверное... когда Тростянецкая, — вдруг замотала головой и поправила себя, — когда Алина пропала...

— А что случилось с Алиной Тростянецкой?

Соня задумалась, а потом медленно проговорила:

— Антон. С Алиной случился Антон.

40 ДНЕЙ ДО

Он сидел в кабинете директрисы, имя которой даже не старался запомнить, и от скуки разглядывал интерьер, подыскивая нужное слово для определения.

Серьезно? Представительно? Авторитетно? Значительно?

Солидно, вот оно.

Он всегда искал те самые слова для описания мира — будто только так и мог его себе подчинить.

Стены были усыпаны грамотами, как пубертатная кожа — прыщами. Позади стола директрисы высился внушительный деревянный шкаф с открытыми полками, где хрусталиями толкались всевозможные награды, а по центру, на особом счету, — пеликан. Вдоль длинного отполированного стола были расставлены кресла с обивкой из светлого дерматина, а директорский стол чуть возвышался, чтобы отделить от черни местного небожителя. Вернее, небожительницу — блондинка в голубом костюме продолжала чирикать перед отцом. Какая же она?

Вежливая? Любезная? Слишком-сильно-старающаяся?

Угодливая. Отцу нравится, чтобы на него смотрели снизу вверх. Вот только на каждого небожителя найдется небо повыше. Однажды он увидел, как угождал кому-то отец, и поразился той перемене, что с ним случилась: как в голос влезли высоковатые нотки, как склонилась голова, как засуетились руки. Он понял: отец делал это и раньше, и много раз до, чтобы оказаться там, где он есть, чтобы стать тем, перед кем заискивают, пусть даже заискивать будет директриса школы, в которую так нужно попасть его сыну, чтобы не стать тем, кто получит гриф «Со справкой», чтобы не опозорить имя отца, имя семейное, хоть никакой семьи давно и нет.

— Если вам нужна какая-то помощь, класс компьютерный обновить, может быть, кресла там, вы не стесняйтесь, — говорил отец с легкой улыбкой, предназначенной специально для женщин — нет, не женщин, ведь никаких женщин для него не существовало, одни только бабы, бабы, бабы, вот разве что мать он, так и быть, называл по имени.

В ярко накрашенных серо-голубых глазах директрисы загорелся огонек. Попыталась радостно вскинуть брови, но не смогла — догадался почему, ведь мать рассказывала, как ее перекашивает после очередного укола. Стеснять себя директриса явно не собиралась: прощепетав дежурное «ой, что вы, что вы», тут же добавила «хотя, знаете, есть у нас один проект», но отец уже гасил ее вежливым «я вам дам контакты своей помощницы, и вы уже с ней как-нибудь».

Наконец, они оба соизволили обратить внимание на виновника не-торжества. Директриса и до этого

бросала на него осторожные взгляды, но желание подружиться с отцом пересилило опасное любопытство.

— Так что же? — поторопил ее отец.

Не снимая выученной улыбки той-кому-всё-время-что-то-надо, она разглядывала справку из старой школы.

— Смотрите, какое дело. Из классов у нас самый свободный — естественно-научный. А там, как понимаете, углубленное изучение биологии, химии, физики. Высокий уровень, не каждый потянет... — сказала — и сама испугалась, сразу затараторила: — Геннадий Ильич, класрук, как раз биологию ведет. Он бы к нам присоединился, да сейчас задействован на ВПР, не хотелось бы его тревожить...

Отец кивал с ухмылочкой — а в голове у него щелкал калькулятор, отсчитывающий директрисе штраф за каждое лишнее слово. Отец взял одну из визитных карточек, выставленных в коробке на краю стола, и как будто прочитал золоченую строчку.

— Мария... Дмитриевна, мы и без класрука прекрасно поговорили, разве нет?

Видимо, запоминать всё же придется. Мария Дмитриевна.

— Я к тому, что, судя по аттестату, ваш Антон скорее... гуманитарного склада юноша.

Антон громко хмыкнул: так его еще не называли. Хотя из всех предметов у него действительно была пятерка только по английскому. И по физкультуре — физрук просто не успел вкатить ему неуды за прогулы.

— Антон справится. Это же всего полтора месяца. А экзамены он сдает, как вы сами же и сказали, — отец едва не фыркнул от своей же учтиво-

сти, — гуманитарного направления. Что ты там сдаешь, кстати?

— Английский и обществознание, — привычно ответил Антон, зная, что это бесполезно, ведь отец забудет сказанное в следующий же миг, как Шерлок, который выкидывает из головы всё, что не имеет отношения к делу, а разве Антон хоть когда-то был для него *делом*?

— Антону может быть сложновато среди наших ребят.

— Антон справится. — Терпение отца явно подходило к концу. — Правда же?

Что ему еще оставалось, кроме как кивнуть.

1 ДЕНЬ ПОСЛЕ

Толбоев постучал по фотографии Антона перед Марком:

— Богатый мальчик. Красивый мальчик. Популярный мальчик. Да еще и новенький.

Марк кивнул.

— Когда, говоришь, он пришел?

— В апреле. Уже в середине. Я сразу подумал, что это как-то странно.

— И каким он тебе показался?

Марк пожал плечами:

— Он мне сразу не понравился.

40 ДНЕЙ ДО

За каким-то чёртом директриса потащила их по школе: посмотрите направо — библиотека с компьютерным классом (у нас там проектор и киноклуб!), посмотрите налево — бассейн (без хлорки! японская

методика очищения!), посмотрите прямо — на стенде почетные выпускники школы (такие люди, такие люди!). К моменту, когда они дошли до зала, Антон уже понял, что он со своими двумя пятерками в этой школе будет торчать и ныть гнилым зубом.

Директриса толкнула тяжелую дверь, за которой звучала музыка.

— Сейчас как раз идет подготовка к Последнему звонку.

Внутри оказался вылизанный актовый зал с красными театральными креслами и невысокой сценой, на которой пела девушка восточной внешности с короной из звезд на голове — была бы красавицей, если б не слишком яркий макияж, уже поблескивающий под желтым ламповым светом.

Мы учились, мы влюблялись,
Мы с тобой делили тайны.
Эти десять лет промчались,
Прозвенел звонок прощальный...*

Сфальшивила, и он тотчас подумал: почему только десять лет? У него это двенадцатый год в школе — вечный старшеклассник, как будто рука, что представляла его фишку, всё время неудачно подбрасывала кубик, попадая в провальную клетку, усылая его в начало игры. Вот и сейчас он снова оказался на старте.

На всякий случай улыбнулся девушке на сцене, та посмотрела чуть высокомерно, но с интересом — как с ним обычно и бывало.

* «Любовные истории» — «Школа». Слова Сергея Парамонова, музыка Виктора Чупретова.

Красивый мальчик, часто слышал он от женщин. Слишком смазливый для мужика, морщился отец.

Вдруг он почувствовал еще один взгляд. Повернулся и заметил темноволосую девушку в углу зала. Она поправила прядь — из уха выглянул синий хвостик. Антон улыбнулся и ей тоже, но она уже смотрела куда-то поверх его плеча.

— Марк! Арбенин, иди-ка сюда! — позвала директриса.

Со сцены спустился кудрявый мелкий парень в толстовке и приблизился к ним.

— Да, Мария Дмитриевна? Мы готовимся.

— Я вижу, вижу. Марк, это Антон Алексеев, ваш новенький мальчик, — просюсюкала она, разве только по головке не погладила.

Антон покорежило от «мальчика», но он помнил, что отец велел держать язык за зубами — пока не подписан приказ о зачислении.

Марк смерил его изучающим взглядом и нахмурился:

— Так апрель же.

— Ничего. — Директриса повернулась к отцу: — Марк — староста 11 «А». Очень ответственный юноша, так что можете не переживать. Ваш сын в надежных руках и в очень приличном классе.

А этот, выходит, все-таки «юноша»?

Со сцены кубарем слетел пухлый парень и заорал:

— Алекс, ну ты чё толкаешься!

— Места много занимаешь.

Раздался смех.

— Это они балуются, вы не подумайте! У нас не дерутся, никого не обижают.

— Антон тоже не дерется. Брезгует, — процедил отец, а Антон сжал кулак и убрал его за спину.

Марк мялся:

— Мне познакомить Антона со всеми? Мы сейчас репетируем...

— Нет-нет, мы поедem, дела. Антон уже завтра со всеми познакомится, да ведь? — тон отца не оставлял вариантов.

Антон кивнул. Уходя, он бросил еще один взгляд на девушку в углу. Та сидела, прислонившись к стене и закрыв глаза.

Он пытался подобрать ей определение — и не мог.

1 ДЕНЬ ПОСЛЕ

Соня отпила воды и поставила стакан обратно:

— Она тогда сказала, что он какой-то странный, раз молчит всё время. Я еще подумала: надо же, обратила на кого-то внимание.

Толбоев покивал:

— Тростянецкая, да? То есть сразу что-то закрутилось?

— Видимо. Мне кажется, такие люди притягиваются. Чувствуют друг друга, — она пожала плечами.

— Какие «такие»?

— Такие. Странные.

— Как вы с Марком?

— Я не с Марком, — отрезала Соня.

40 ДНЕЙ ДО

Отец всё еще прощался с директрисой в фойе, не выпуская ее руку из своей, под конец даже наклонился и припал к этой самой рученьке с мерзкой улыбочкой, и Мария Дмитриевна захихикала, как школьница, а Антон подумал: а ведь и правда, эта женщина